

УЖАС, ЧТО МЫ ТВОРИМ!

САМЫЕ СТРАШНЫЕ ЧТЕНИЯ

ОТ САМОГО СТРАШНОГО ФЕСТИВАЛЯ
ЛУЧШЕ, ЧЕМ НИКОГДА
СБОРНИК РАССКАЗОВ

2
ТОМ

Самые страшные чтения

Дмитрий Тихонов

**Самые страшные чтения.
Лучше, чем никогда. Второй том**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Тихонов Д. А.

Самые страшные чтения. Лучше, чем никогда. Второй том /
Д. А. Тихонов — «Издательство АСТ», 2023 — (Самые страшные
чтения)

ISBN 978-5-17-154465-2

Самые страшные чтения V самого страшного фестиваля. 13 авторов, 13 рассказов, 13 самых страшных историй... Чем может быть опасна вакансия судмедэксперта и до чего может довести невинная детская игра в «Эники-Беники»?.. Почему лучше не пускать ночью в дом гостей и что кроется за маленьким детским одеяльцем?.. О страшном-страшном дедлайне... и о том, что иногда лучше отказать в обслуживании последнему клиенту...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-154465-2

© Тихонов Д. А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Александр Подольский	6
Ангелина Саратовцева	8
Светлана Волкова	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

**Александр Подольский, Ангелина
Саратовцева, Валерий Лисицкий,
Дмитрий Тихонов, Иван Миронов,
Любовь Левшинова, Мария Синенко,
Наталия Лиске, Наталья Волочаевская,
Оксана Заугольная, Светлана Волкова,
Татьяна Верман, Татьяна Машкова
Самые страшные чтения.
Лучше, чем никогда. Второй том**

© Авторы, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Александр Подольский

Игра

Мишка пришел на игровую площадку поздно вечером. Солнце уже закатилось за родную девятиэтажку, двор затопила темнота. Кругом было тихо, только где-то вдалеке тархтел грузовик и лаяла собака. Воздух пах скошенной травой.

Клочок вытоптанного газона, самодельные ворота и пара лавочек вместо трибун – это не слишком походило на футбольные стадионы, которые Мишка видел по телевизору, но была здесь какая-то магия. Когда начиналась игра, остальной мир будто переставал существовать и все неприятности выветривались из головы.

Мишка бросил на газон мяч, разбежался и что есть силы запулил его под перекладину. В сетке затрепыхалось. Мишка подпрыгнул, взмахнул руками, празднуя забитый гол, но тут же огляделся. Не видит ли кто? Местные мальчишки и так над ним смеялись, придумывая обидные прозвища. Но сейчас никого рядом не было. Потому Мишка и любил это время: площадка принадлежала только ему, и никто отсюда не прогонит.

Он наколотил с полсотни голов, когда вновь услышал собаку. Теперь она лаяла гораздо ближе, где-то за домом. И не просто лаяла, а драла горло, словно совсем озверела – Мишка даже представил оскаленную пасть, острые зубы, капающую на землю слюну... Наткнуться на бешеную псину ему совсем не хотелось.

Лай резко оборвался, собака завизжала, и в следующее мгновение эхо разнесло по двору звук ломающихся костей. Мишке почудилось, что хрустнули его собственные кости – так громко это было. Громко и жутко.

Он подобрал мяч и вгляделся в темноту. Половина ламп у подъездов уже не горела. Ветер гонял по асфальту мелкий мусор, в устроенной на березе кормушке возились птицы. А у угла дома стоял высокий человек и смотрел прямо на Мишку.

Ноги подкосились. Мишка вдруг понял, что здесь, в конусе фонарного света на площадке, его нельзя не заметить. Он машинально отступил на шаг назад, и то же самое сделал незнакомец. Словно неправильное, заторможенное отражение.

На одном из верхних этажей разбилось стекло. Раздался крик. Далеко-далеко, на шоссе, завывла сирена.

Рядом с незнакомцем появился еще один. Он тоже смотрел на Мишку и странно держал руки перед собой, будто сжимал воздух.

Или невидимый мяч.

Мишка бросился в сторону своего подъезда, но заметил неподвижные силуэты на площадке. Манекены, прячущиеся в темноте. Поджидающие.

За спиной раздалось неразборчивое бормотание. Мишка повернулся и увидел Серёгу – мальчишку на год старше, с которым иногда играл здесь. Тот стоял в нескольких шагах от футбольного поля и не решался войти в пятно света. Аккуратно протягивал ногу и тут же отдергивал ее.

– Серёг, ты чего?

– Се...рёг, – прилетело из темноты. – Чего ты.

По спине Мишки пополз холодок. Порыв ветра принес запахи крови, гнилого мяса и горящей свалки. Запахи нового Серёги.

Существо рывком подалось к свету, рухнуло на землю, заревело и отползло обратно в темноту. Быстро встало и начало приближаться маленькими шажочками. Мишка запустил в него мяч, затем поднял с земли камень и бросил ему прямо в голову. Существо, шатаясь, отступило на пару метров и застыло на месте. А потом неуклюже скопировало движение Мишки.

Присело и швырнуло в него несуществующий камень. И еще раз. И еще. Будто повторяло самое странное упражнение на уроке физкультуры.

– Отвали от меня!

– ...али ...меня, – отозвалось существо.

Мишка больше не сдерживал слез. Из накрывшей район темноты слышались крики и странные, неправильные голоса. Надрывались сигнализации.

Мишка прижался спиной к фонарю, схоронился в спасительном свете. Прямо под лампой гудели комары, в паутине трепыхалась муха. Вокруг клочка футбольного поля вставали тени.

То, что притворялось Серёгой, нащупало на земле настоящий камень и с невероятной силой бросило его в сторону Мишки. Звякнул фонарный столб. Существо несколько секунд смотрело перед собой, а затем подняло взгляд выше. К стеклянному шарик, рождающему электрический свет.

Тени пришли в движение. Из-за домов поднялся столб черного дыма. Мишка, всхлипывая, сполз на землю и закрыл голову руками.

Разбить фонарь у существа получилось уже с третьей попытки.

Ангелина Саратовцева Вакансия

Сегодня решалось, достанется ли Павлу должность штатного судмедэксперта. Так что он спешил в секционную – поговорить с наставником наедине.

Кто-то уронил инструменты на кафельный пол – барабанные перепонки будто царапнули тупой иглой. Павел поморщился, застегивая медицинский халат на бегу.

Трупы его никогда не впечатляли. А к запаху тухлого мяса – давно привык.

Сегодня он опоздал: бессонница и тяжелые сны под утро. Павел часто *знал*, что случалось с мертвыми. Видел детали убийств. Иногда даже подсказывал следователям, в какую сторону копать.

Но сейчас было не до своих особых способностей.

Тень наставника подрагивала на кафельной стене стылой казенной комнаты.

– Доброе утро... Денис Иванович, а кого все-таки возьмут? – Павел заправил за ухо выбившуюся из «рокерского» хвостика прядь.

Любая ошибка – и однокурсница Валя заняла бы его место.

Наставник сжал губы и продолжил отмывать с резиновых перчаток кровь. И липкие кусочки человеческого мяса.

Он снисходительно оглядел своего ученика.

– С добрым утром. – Денис Иванович стряхнул тонкими пальцами. До лица Павла долетели брызги.

Он ощутил их нижней губой. Холодную мертвую кровь, разбавленную грязной проточной водой. Но утереть лицо под взглядом наставника не решился. Вместо этого плотно сжал губы и сглотнул.

– Павел, вы с Валентиной – оба достойные специалисты. Хотя... лысая девочка и волосатый мальчик... В мое время такого не было.

Павел не отводил взгляд. Почти забыл о *богомерзкой*, замешанной на жире и крови мертвеца жиже, которую только что слизнул.

– Так вот... в соседней секционной труп. Несчастный случай в метро. На станции закрытого типа. Размололо. Между внутренними и внешними дверями. Справитесь – и работа ваша.

Павел кивнул и направился через выложенный кафелем проем. Сглотнул и застыл перед красно-белой кучей. Она... даже не напоминала человека.

Изувеченное женское тело дымилось. Парное мясо.

Павел смотрел и *видел*, как тянется ее кожа. Как отслаивается. Как образует алые страшные карманы. Как крылья ската. Как рыбы рты.

Как гнутся ее ребра. Гнутся, сколько могут. Пока, сухо хрустнув, не ломаются. А отломки пронзают трепетные розоватые мешочки легких. Как ее *всю* гнет и давит.

Павел *слышал* крик, перешедший в стон, а затем – глухой всхлип.

Он натянул резиновую перчатку и бегло ощупал провалы в неровном черепе мертвой. Могли бы быть роскошные пшеничные локоны. Но голова была острижена совсем коротким ежиком. Павел заглянул в распластанный по изломанной глазнице прозрачно-голубой глаз. Как бутон на мясистом стебельке белого нерва...

И ноги Павла подкосились.

Вата. Тошнота. Железо во рту. Лед за грудиной.

Узнавание ошарашило. Выбило из легких воздух.

– Валя... – Видения резко увлекли Павла: вот Валя, его однокурсница и конкурент, нагоняет в безлюдном метро наставника. Вот он ухмыляется краешком рта. Вот Валя оступается перед закрывающимися дверями поезда. Полшага назад – и спасение... Но Денис Иванович быстрым четким жестом толкает ее вперед.

Изящная рука наставника выскальзывает из жвал смыкающихся внешних дверей в последний момент.

А Валя остается там.

Поезд трогается. Камера смотрит мертвым глазом. На станции больше никого... Как же так?!

Павел не сразу понял, что коснулось его бока. Что нырнуло под ребра ледяной плоской гранью. А когда понял...

Денис Иванович уже взмахнул аристократичной кистью. Красиво. Ювелирно. И реберный нож вынырнул из живота Павла.

Теперь бордовое стремительно лилось на его врачебный халат. Жгуче охлестывало нутро.

Запах ворвался в свистящие легкие непривычным смрадом. Гниением и рвотой. Анти-септиком и увядающими цветами. Церковным воском. Ладаном.

– Понимаете ли, Павел, – спокойно выговаривал Денис Иванович, – я не мог не заметить ваши... немедицинские таланты. Увы. Они уже вышли боком паре очень уважаемых людей. Что до Валентины – боюсь, при ней вы сказали лишнего.

Блики от секционного ножа отразились в неподвижном зрачке Павла.

– Так что извините, – хмыкнул Денис Иванович, позволяя отяжелевшему телу гулко грохнуться на кафельный пол, – для вас вакансий нет.

Светлана Волкова Маленькая

О Вере в деревне ходили нехорошие слухи. Будто рожала она одного за другим мертвых детей, а от кого – неизвестно, муж-то у нее поехал на заработки лет шесть назад да и сгинул. Нехорошая женщина, нехорошая. Из-за ее истории Наталья и сама детей не завела, все боялась мертвенького родить, а потом и возраст вышел, да и мужа другая стерва увела.

Тихо. Тсс. Стучит будто кто?

Наталья поднялась с кровати и пошла к двери. Старый дедов дом тяжело сглатывал ее осторожные шаги, выкашливал их скрипом половиц.

– Открой, Наташа! Это я, Вера.

Наталья отшатнулась от двери.

– Иди домой, Вера. Завтра поговорим.

– Открой, милая. Или сердца у тебя нет? Непогода-то какая, продрогли мы.

– Мы? Ты не одна?

– С дочушкой я. Открой.

Наталья помедлила, потом отодвинула засов, впустила Веру. В полумраке сеней белки глаз гостьи сияли голубоватым фаянсом. Тощие руки прижимали к груди рюкзачок.

– Спасибо тебе, христианская душа!

– Да где дочка-то твоя? – удивилась Наталья.

– Так вот, – Вера подошла к лавке и, вынув из рюкзачка сверток, положила его на лавку. Это было одеяльце, и уголок его плотно прикрывал там, где должно быть личико новорожденной.

– В дом не попасть, ключ потеряла. Я у тебя заночую, не прогонишь?

– Бог с тобой, Вера, ночуй конечно!

Наталья засуетилась, доставая из старого сундука перину и расстилая ее на лавке.

– Ты голодная?

– Не го-ло-дна-я, – нараспев протянула Вера. – Я не ем почти совсем. Не хочу.

– Надо есть. А то молока не будет, – сказала Наталья и осеклась, покосившись на сверток. Тот лежал не шелохнувшись. А не мертвый ли младенец? Сердце Натальи отчаянно застучало. Но спросить об этом она не решилась, лишь перекрестилась украдкой.

– Как дочку твою зовут?

– Маленькая.

– Почему Маленькая? – удивилась Наталья.

– А вряд ли вырастет...

Вера легла на перину прямо в одежде и, не успела Наталья накрыть ее одеялом, тут же провалилась в сон.

Наталья снова покосилась на сверток. Не может быть, чтобы там лежал живой ребеночек. Она на цыпочках подошла ближе к лавке, ближе, ближе. Ближе к лавке. Ближе.

Протянула.

Руку.

Вот уже коснулась одеяльца пальцами...

И отдернула ее. Страшно. Перекрестилась. Трижды. Господь с ней, с Верой. Ее забота. Переночует и уйдет. Не плачет младенец, и слава-те.

Наталья шмыгнула в комнату, плотно притворила дверь. Долго лежала в постели, под сердцем ворочалась какая-то маята. И вой под ребрами, будто кто выскабливает душу ржавым скальпелем.

Наконец заснула. Но неглубоко, вздрагивала от каждого шороха, просыпалась, кидалась зажечь свет. Никого.

Проспала она час, не больше, и резко проснулась. Как будто был в комнате кто, дышал рядом с кроватью у подушки.

Наталья откинула одеяло, непослушными пальцами включила прикроватную лампу. Никого...

И вдруг увидела старушечье личико. Села на кровати, не в силах пошевелиться...

На полу стояла босая крохотная старушечка, ростом с поленце, обернутая в одеяльце, как в пеленку, и тянула сухонькие ручки к Наталье.

– Мне хо-ло-дно... Со-грей ме-ня.

– Кто ты? – с хрипом выдохнула Наталья.

– Я Ма-а-аленькая, гостья твоя.

– Уходи... К маме иди... – Наталья поджала ледяные колени к груди.

– Мо-ж-но я по-лежу с то-бой в кро-ва-тке? Мне хо-ло-дно. Со-гре-юсь и уй-ду.

Наталья хотела закричать, но почувствовала, что язык онемел, а горло сдавило.

– Мо-жно?

Старушечка присела и рывком прыгнула на Натальину кровать.

– По-вер-нись на бок, Натальюшка.

Наталья послушалась. Легла на бок.

Маленькая прижалась к Натальиной спине, обняла ее сзади ледяными ручками и ножками, и Наталье показалось – забрала последнее тепло.

– Оста-нись с то-бой. Бу-дешь Маленькую на за-ку-кор-ках ка-тать.

Они лежали так долго, и Маленькая все сильнее вжималась в Наталью. А потом запела. И была то не песня, а слабенькое скуление.

Баю-баюшки-ба-ю,
Я сердечко по-клю-ю..

Оцепеневшая Наталья сквозь сон ли, сквозь забытие почувствовала, как клюнуло что-то острое сзади, у левой лопатки, и все тело начало крутить, вертеть, засасывать в свербящую ранку. И сразу как-то обмяк позвоночник, будто ватным стал.

Проснулась Наталья поздно, солнце стояло высоко. Пошарила рукой по кровати: пусто. Поднялась, прошаркала в гостиную: Веры не было. Перина лежала, где и всегда: в сундуке. И сверток исчез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.